

Цзян Сюнь откинулся на спинку сиденья, но взгляд его был намертво прикован к левому рукаву плаща Лу Линя, к тому самому пугающему следу от ожога.

— В больницу.

Голос Цзян Сюня прорезал гнетущую тишину салона.

— Сейчас же, немедленно разворачивайся к ближайшей больнице.

Лу Линь отвел взгляд от окна и посмотрел на напряженный профиль Цзян Сюня.

— Нет нужды. Сначала вернемся в квартиру.

— Нет нужды?

Цзян Сюнь резко выпрямился, повернувшись к нему всем корпусом. От волнения его голос сорвался на крик:

— Лу Линь, открой глаза и посмотри! Твой рукав почти прожгло насквозь! Это же едкое вещество! Кто знает, не пострадала ли кожа? А если начнется заражение?

— Я контролирую ситуацию.

— Ты контролируешь? Да что ты можешь контролировать?

Гнев Цзян Сюня вспыхнул мгновенно. Он указал на рану, кончики его пальцев почти касались обугленной ткани.

— Твой контроль — это наплевательское отношение к себе и ожидание, пока всё станет только хуже? Это моя вина! Ты пострадал, защищая меня! Я не могу просто сидеть и смотреть, как ты это делаешь!

— Защищать тебя — моя обязанность.

— Обязанность? — Цзян Сюнь повторил это слово, чувствуя, как к горлу подкатывает ярость, от которой даже глаза защипало. — В твоих глазах есть только задания и долг? Твои собственные руки, твое тело — они вообще ничего для тебя не значат?

Лу Линь молча смотрел на него, не отвечая. Воздух в машине снова застыл, слышался лишь неустанный гул двигателя.

Видя, что Лу Линь остается непробиваемым, Цзян Сюнь тяжело дышал. Он глубоко вдохнул, пытаясь подавить подступивший к горлу ком, но голос все равно предательски дрожал:

— Хорошо, пусть это твой долг. Тогда скажи мне: если твоя рука будет искалечена из-за того, что ты не обработал рану вовремя, как ты будешь исполнять свои обязанности? Как ты будешь «защищать» меня?

— Я не допущу, чтобы она была искалечена.

Ответ Лу Линя был кратким и твердым.

— Не допустишь? Ты врач? С чего такая уверенность! — Цзян Сюнь почти рычал. — Лу Линь, ты можешь перестать вести себя так самонадеянно? Можешь хоть раз... хоть немного позаботиться о себе!

Последняя фраза была буквально выдавлена сквозь зубы, в ней звучала мольба, которую даже сам Цзян Сюнь не осознавал.

Взгляд Лу Линя слегка дрогнул, словно его задели эти сильные эмоции. Он смотрел на покрасневшие от волнения уголки глаз Цзян Сюня, на эти глаза, обычно полные дерзости и вызова, а сейчас — нескрываемой тревоги и боли.

После короткой паузы Лу Линь заговорил, его голос стал чуть тише:

— Цзян Сюнь, ты кое-что перепутал.

Он замолчал, глядя на Цзян Сюня тяжелым взглядом.

— Дело не в том, что я не забочусь о себе. — Он произносил каждое слово четко и отдельно. — А в том, что на чаше весов твоя безопасность и твоя целостность всегда стоят на первом месте. Твоя жизнь важнее, чем эта рука, важнее любой раны, которую я могу получить.

Эти слова ударили Цзян Сюня, как тяжелый молот. Он замер. Все приготовленные аргументы и гнев в одно мгновение показались жалкими и бесполезными. Он смотрел на Лу Линя, на его бесстрастное лицо, на ужасающий ожог, и к горлу подступила горечь.

Он понял. В системе ценностей Лу Линя это даже не было предметом спора.

— Важнее... снова важнее... — пробормотал Цзян Сюнь и вдруг горько усмехнулся, в этом смехе сквозило самобичевание и бессилие. — Значит, по-твоему, я просто хрупкая вещь, требующая защиты, а ты — инструмент, который в любой момент можно сломать ради этой «хрупкой вещи», так?

Он поднял голову, глядя прямо в глаза Лу Линю, его веки покраснели.

— Лу Линь, я скажу тебе прямо: мне не нужна такая жертва! Мне не нужно, чтобы ты доказывал важность моей жизни, калеча себя! Если моя безопасность строится на риске для тебя, на твоих травмах, то к черту такую безопасность!

Слова прозвучали резко и тяжело, с той юношеской бескомпромиссностью, которая не знает границ. Лу Линь едва заметно нахмурился:

— Цзян Сюнь, не упрямься. Безопасность — это не детская игра.

— Упрямлюсь? Я упрямлюсь? — Цзян Сюнь был готов рассмеяться от ярости. Он снова ткнул пальцем в сторону руки Лу Линя. — Кто здесь на самом деле упрямится? Кто ранен и отказывается ехать в больницу? Кто ни во что не ставит собственное тело?

— Я выполняю задание, — отрезал Лу Линь.

— К черту твоё задание! — Цзян Сюнь больше не мог сдерживаться. — Задание, задание! У тебя в голове одни задания! Ты хоть раз думал о том, что, если с тобой что-то случится, я...

Он резко осекся, слова застряли в горле. *Что я буду делать?* Эта фраза была слишком прямой и слишком двусмысленной, она выходила за рамки их контрактных отношений.

Цзян Сюнь отвернулся к окну, глядя на размытые тени города, его грудь вздымалась от тяжелого дыхания. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

В машине вновь воцарилась удушливая тишина. Водитель, затаив дыхание, старался стать невидимым.

Взгляд Лу Линя упал на напряжённую спину Цзян Сюня, затем медленно переместился на ожог. Запах гари все ещё стоял в воздухе. Он чувствовал, как кожа на руке начинает пульсировать от жара и легкого покалывания — рана действительно была серьезнее, чем он хотел показать.

Он не был лишен чувствительности и не презирал собственную жизнь. Просто долгие годы тренировок и опыт хождения по лезвию ножа уже давно выжгли в нем догму: «задание — приоритет, безопасность цели — превыше всего». Защита Цзян Сюня была не только долгом, но и обещанием, данным семье Лу, обязательством в рамках их союза. В его личном кодексе обещания были важнее всего, включая личную безопасность.

Но эти яростные слова Цзян Сюня, эта неподдельная тревога и гнев в его покрасневших глазах... Впервые он осознал: этот «звездный мальчик», которого он должен был оберегать, вовсе не просто «цель». Он умеет волноваться, злиться и терять самообладание из-за него, Лу

Линя, ран. Это осознание пробило крошечную трещину в броне Лу Линя.

Прошло много времени, машина уже выехала на главную магистраль, когда Лу Линь снова нарушил тишину:

— Когда вернемся в квартиру, сначала проверь себя, убедись, что на тебя не попало химическое вещество. — Лу Линь сделал паузу. — В аптечке есть мазь от химических ожогов.

Цзян Сюнь ошарашенно посмотрел на него, не сразу поняв, к чему это.

Лу Линь выдержал его взгляд и спокойно добавил:

— Если хочешь, можешь обработать рану мне.

Цзян Сюнь открыл рот, собираясь что-то ответить, но горло будто сдавило спазмом. Он опустил голову и глухо буркнул: «Угу», — после чего замолчал. Однако в голове уже лихорадочно прокручивал план: как именно он будет промывать рану и наносить мазь, как только они приедут.

Машина продолжала движение к дому. Атмосфера в салоне перестала быть такой напряженной, но теперь ее наполняло нечто новое, невыразимо тонкое и сложное.

<http://bllate.org/book/19534/1915444>